

полития

Р.Ф.Туровский, М.С.Сухова, Е.М.Луизидис
НОВЫЕ ИГРОКИ
В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ
СТАРЫХ ДЕМОКРАТИЙ:
ЕСТЬ ЛИ УГРОЗА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ?¹

¹ В работе использованы результаты проекта «Эволюция и регионализация партийных систем и парламентской политики: кросс-национальный сравнительный анализ и пространственное разнообразие России», выполненного Лабораторией региональных политических исследований в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Ростислав Феликсович Туровский — доктор политических наук, профессор, зав. Лабораторией региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: RTurovsky@hse.ru.

Марина Сергеевна Сухова — стажер-исследователь Лаборатории региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: mssukhova@gmail.com.

Елизавета Милтиадисовна Луизидис — стажер-исследователь Лаборатории региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: lizal2565@gmail.com.

Аннотация. Одним из основных трендов последних десятилетий в западных демократиях стало появление новых политических игроков, артикулирующих меняющиеся запросы общества (популисты, националисты, евроскептики, феминистки, экологические движения и др.). Оформляясь в партии, эти игроки бросают вызов существующей партийной системе, что делает ее более волатильной.

Авторы представленного в статье исследования сосредоточили свое внимание на динамике национализации партийных систем как одной из составляющих волатильности, отражающей территориальную неоднородность электоральной поддержки политических игроков. Анализ последних четырех-шести электоральных циклов в 18 западных демократиях, которые сопоставлялись с взятыми в качестве точки отсчета выборами 1960–1970-х годов, выявил разнонаправленность современных процессов национализации. По заключению авторов, траектории развития этих процессов обусловлены в первую очередь внутривнутрипартийным политическим контекстом и индивидуальными особенностями эволюции партийных систем и практически не подчиняются закономерностям, зафиксированным в более ранних исследованиях. Партии,

имеющие долгую историю пребывания на политической сцене, не только не утратили поддержку электората, но и в некоторых случаях еще основательнее укрепили свои позиции. Однако именно со старыми партиями связаны и основные вызовы для гомогенности электорального пространства. Наиболее успешные новые партии не уступают по уровню национализации старым, что в целом свидетельствует о высокой степени консолидации электорального пространства западных демократий.

Ключевые слова: выборы, западные демократии, электоральная волатильность, партии, национализация партийных систем

Политологи давно говорят о важности стабильной и институционализированной партийной системы для демократических стран². Партийная система с низким уровнем волатильности важна по целому ряду причин³. Во-первых, благодаря стабильности информационных паттернов, поддерживаемых партийными ярлыками, она обеспечивает более эффективное представительство интересов граждан⁴. Во-вторых, она способствует повышению определенности относительно того, каким образом управляется государство⁵. При высокой волатильности входные барьеры для партий ниже, а вероятность того, что демократический режим будет поставлен под угрозу, выше⁶. Кроме того, высокая волатильность ведет к изменению стратегических расчетов элит при выдвижении кандидатов, что зачастую оборачивается появлением множества конкурирующих кандидатов и разбросом голосов вместо консолидации электората вокруг конкретных игроков⁷.

² Sartori 1976.

³ Mainwaring and Zoco 2007.

⁴ Downs 1957; Hinich and Munger 1994.

⁵ Sartori 1976.

⁶ Mayorga 2006; Tanaka 2006.

⁷ Sartori 1986; Moser 1999, 2001.

В старых демократиях, где партийные системы формировались десятилетиями, уровень их волатильности традиционно довольно низок. Необходимо, однако, учитывать, что эти системы складывались в условиях четкой идентификации избирателей с социальными группами, заданными четырьмя типами размежеваний (cleavages): центр — периферия, государство — церковь, город — село, собственники — наемные работники⁸. В настоящее время в связи с усложнением социальной структуры развитых стран эти размежевания перестают играть решающую роль в электоральном поведении, параллельно ослабевает и фактор партийной идентификации.

⁸ Lipset and Rokkan 1967.

Вместе с тем многие партийные системы сталкиваются с новыми вызовами — появлением новых игроков (популисты, евроскептики, националисты, феминистки, экологические движения и пр.), которые, несомненно, влияют на волатильность. Мы полагаем, что ввиду актуализации подобных политических вызовов и активизации артикулирующих их партий электоральная волатильность старых демократий может возрасти. В пользу этого говорят исследования последних лет, демонстрирующие, что «потеря легитимности правительств и европейских институтов открыла окно возможностей для партий, придерживающихся антиистеблишментских позиций и популистских ориентаций

⁹ Cachafeiro and Plaza-Colodro 2016: 346.

¹⁰ Van Biezen and Wallace 2013: 289.

**Национализация
партийной системы
в условиях
роста
волатильности**

¹¹ Голосов и Григорьев 2015.

¹² Converse 1969.

¹³ Mainwaring and Torcal 2006.

¹⁴ Mainwaring 1999; Mainwaring and Torcal 2006.

¹⁵ Mainwaring and Zoco 2007: 156.

¹⁶ Bartolini and Mair 1990; Roberts and Wibbels 1999; Tavits 2005.

и критикующих преобладающие в Европе политико-экономические механизмы»⁹. По мнению исследователей, происходящие сегодня процессы способны негативно отразиться на стабильности и повлечь за собой повышение электоральной волатильности: «Европейским демократиям в XXI в. приходится сталкиваться с различными вызовами, прямо или косвенно затрагивающими основы политической системы. В их числе популистское игнорирование некоторых фундаментальных ценностей либеральной демократии и верховенства права, многообразие партий и движений, выступающих против истеблишмента и ставящих под вопрос демократическую легитимность дискредитировавших себя финансового и политического классов, а также неясные перспективы дальнейшей европейской интеграции»¹⁰.

В настоящей работе мы сосредоточимся на анализе вероятных сдвигов в уровне национализации партийных систем в современных западных демократиях. Национализация отражает унификацию электоральной поддержки партий в различных территориальных единицах государства¹¹. Считается, что партийная система полностью национализирована, если во всех территориальных единицах политические партии имеют одинаковую поддержку. Уровень национализации является одним из отражений уровня волатильности, то есть структурной изменчивости партийной системы: при высокой волатильности велики и риски снижения уровня национализации.

В политологической литературе предлагается несколько объяснений существующих различий в уровне стабильности/волатильности партийных систем. Так, в одной классической работе утверждается, что партийные системы со временем становятся более стабильными, поскольку растет идентификация избирателей с партиями¹² (что, впрочем, не всегда подтверждается эмпирически¹³). Высказывается также мнение, что на стабильность партийной системы влияет не столько длительность ее существования, сколько время, когда она формировалась. В странах поздней демократизации партийные системы отличаются большей волатильностью, нежели в старых демократиях¹⁴, так как в большинстве таких стран «партии занимали менее важное место в борьбе за расширение гражданского представительства, у них никогда не было столь обширных социальных функций и они не порождали настолько сильной идентификации, как в ранних демократиях»¹⁵. Наконец, указывается на значимость фактора фрагментации партийной системы: чем больше становится партий, тем выше волатильность¹⁶.

Отталкиваясь от этих тезисов, можно сформулировать две гипотезы, касающиеся уровня национализации партий и партийных систем в современных западных демократиях.

1. Старые партии, основанные в период формирования политических систем западных демократий, будут иметь более высокий

уровень национализации, чем игроки, возникшие ввиду актуализации новых политических вызовов.

2. Общий уровень национализации партий и партийных систем в западных демократиях в последних электоральных циклах будет снижаться в связи с появлением и ростом активности новых игроков, отвечающих на современные политические вызовы.

Первая гипотеза исходит из того, что, поскольку новые партии уступают старым с точки зрения социальных функций и способности порождать устойчивые идентичности, они должны обладать и территориально менее однородной электоральной поддержкой.

Вторая гипотеза частично является следствием первой, а частично развивает заключение о том, что фрагментация партийной системы ведет к повышению электоральной волатильности. Отметим, что увеличение числа игроков может двояким образом способствовать снижению уровня национализации. Во-первых, с появлением новых игроков старые партии могут ослабевать и терять прежнюю однородность электоральной поддержки. Во-вторых, новым партиям может не хватить времени, чтобы обеспечить себе общестрановую поддержку; соответственно, им придется ориентироваться на отдельные (базовые) регионы, что приведет к падению общего уровня национализации.

Несмотря на присущую им стабильность, партийные системы развитых демократий могут существенно различаться по уровню национализации. К факторам, снижающим таковую, принято относить полиэтничность (Бельгия, Швейцария)¹⁷, федерализм (Бельгия, Швейцария, Германия, Австрия, США)¹⁸, а также мажоритарную избирательную систему (Великобритания, Франция, США)¹⁹.

В связи с относительной стабильностью партийных систем старых демократий изучению общих трендов национализации в этих странах посвящено не так уж много работ. Прежде всего речь идет об исследованиях Даниеля Карамани. Зафиксировав усиление процессов партийной национализации, Карамани объясняет его как превалированием лево-правого размежевания, превосходящего по значимости иные (в том числе этнолингвистические и религиозные, а также размежевания «центр—периферия» и «город—село»), так и конъюнктурными стратегиями партий, стремящихся расширить свой электорат. И хотя в некоторых странах (Бельгии, Италии, Великобритании) наблюдалось усиление регионализации, это не оказало большого влияния на общую картину. По заключению Карамани, после Второй мировой войны уровень национализации в европейских демократиях в целом стабилизировался: сложилась устойчивая территориальная структура голосования, на которую не способны повлиять никакие факторы²⁰.

NB! Заслуживает упоминания и попытка Карамани проанализировать процессы национализации, происходящие в наднациональном пространстве Евросоюза, где в качестве регионов рассматривались страны, входящие в ЕС. Результаты его исследования позволяют

¹⁷ *Голосов и Григорьев 2015.*

¹⁸ *Chhibber and Kollman 2004.*

¹⁹ *Голосов и Григорьев 2015.*

²⁰ *Caramani 2004.*

говорить о движении в направлении национализации партийной системы на европейском уровне, то есть о все более однородном распределении голосов между партиями одной идеологической направленности в национальных округах — государствах²¹.

²¹ *Caramani 2011.*

Не подвергая сомнению адекватность вывода Карамани о стабилизации уровня национализации в европейских демократиях, мы тем не менее рискуем предположить, что за прошедшие с момента проведения им своего исследования годы в связи с появлением новых политических вызовов эта тенденция могла измениться.

**Индекс
национализации
и его динамика:
основные тренды**

Для измерения национализации мы будем использовать индекс, вычисляемый через сумму обратных коэффициентов неравенства территориальной поддержки отдельных партий (коэффициентов Джини), взвешенных в соответствии с размерами этих партий²²:

²² *Jones
and Mainwaring
2003.*

$$N_i = 1 - G_i;$$

$$N = \sum (N_i * V_i),$$

где N_i — индекс национализации для одной партии; G_i — индекс Джини для одной партии; N — общий индекс национализации партийной системы; V_i — доля голосов, поданных за одну партию.

Для анализа были отобраны страны, имеющие относительно долгую историю демократического развития, данные по которым доступны в разрезе регионов (при числе регионов не менее шести). В результате в выборку вошли 18 стран — 15 европейских (Великобритания, Ирландия, Франция, Германия, Италия, Испания, Португалия, Греция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Австрия, Швеция, Финляндия, Норвегия) и три, находящиеся вне Европы (США, Канада и Австралия). Для решения поставленной задачи, а именно выявления уровня и динамики национализации в каждой из стран, в качестве единиц использовались географические регионы внутри страны. В расчет принимались итоги первых туров (если выборы проводились в два тура) и партии, набравшие более 0,3% голосов по стране. В странах с мажоритарной системой голосование за кандидатов от партии условно приравнивалось к голосованию за партию. В случае США ввиду отсутствия данных по штатам на выборах в Конгресс в 1960-е годы анализировались только президентские выборы.

Что касается временных рамок исследования, то в качестве точки отсчета для долгосрочных динамических сравнений брался один из электоральных циклов 1960—1970-х годов, а затем рассматривались четыре-шесть последних электоральных циклов.

На основе вычисления индекса национализации за последние четыре-шесть электоральных циклов мы рассчитали средний уровень национализации за этот период (см. *Приложение 1*). Нам удалось выделить

три группы стран — с низким (до 0,6), средним (от 0,6 до 0,8) и высоким (выше 0,8) уровнем национализации. В первую группу вошли Бельгия и Швейцария; во вторую — Великобритания, Канада, Франция, Испания, Финляндия, Австралия, Италия и Ирландия; в третью — США, Австрия, Германия, Греция, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Португалия.

Как уже отмечалось, к факторам, снижающим уровень национализации партийных систем, принято относить полиэтничность, федерализм и мажоритарную избирательную систему. Обе зафиксированные нами страны с низким уровнем национализации — Бельгия и Швейцария — удовлетворяют сразу двум из этих условий (полиэтничность и федерализм). И в Бельгии, и Швейцарии широко распространены региональные партии с крайне низким уровнем национализации, что оказывает соответствующее влияние на общий индекс национализации. Большинство стран, удовлетворяющих каким-либо из указанных условий, имеют средний уровень национализации (Канада, Австралия — федерализм, Великобритания, Франция — мажоритарная избирательная система). Однако среди них есть и страны со стабильно высоким уровнем национализации — федеративная Австрия, а также Германия и США, которые не только являются федерациями, но и используют (полностью или частично) мажоритарную избирательную формулу²³. Таким образом, установленные ранее факторы не в состоянии полностью объяснить различия в современном уровне национализации, что заставляет предположить наличие иных, более специфических и связанных не с устоявшимися институциональными характеристиками, а с политической конъюнктурой сегодняшнего дня.

С точки зрения динамики уровня национализации в последних электоральных циклах анализируемые страны также распадаются на три группы — с нисходящей динамикой, со стабильным уровнем национализации, с восходящей динамикой. При соединении двух критериев (уровня и динамики национализации) мы получаем девять возможных вариантов (см. табл. 1).

²³ Истоки данного феномена раскрываются в классических исследованиях национализации в США (см., напр. Vertz, Frensdreis, and Gibson 1987). Стоит напомнить, что сама идея исследования национализации политики имеет американское происхождение и связана с постепенной территориальной консолидацией американской нации (см. Туровский 2016).

Таблица 1 Классификация стран по уровню и динамике национализации в среднесрочном периоде

Динамика	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Нисходящая		Австралия, Испания, Ирландия	Германия, США, Нидерланды
Стабильность	Бельгия	Финляндия, Великобритания, Италия	Норвегия, Португалия
Восходящая	Швейцария	Канада, Франция	Швеция, Австрия, Греция ²⁴

²⁴ Греции свойственна неустойчивая динамика, которая на некоторых выборах была нисходящей.

Как видно из таблицы, единого тренда в отношении динамики национализации в настоящее время не существует. Если в некоторых странах уровень национализации снижается, то в других он остается прежним, а в третьих даже растет. Тем не менее следует отметить, что группа стран с нисходящей динамикой, то есть с усилением регионального разнообразия, является самой многочисленной. Чуть ниже мы подробно рассмотрим эти три группы стран и попытаемся выявить факторы, задающие действующие в них тенденции в сфере партийной национализации.

В целях более глубокого понимания происходящих процессов мы составили аналогичную классификацию стран для долгосрочного периода, сравнив средние значения национализации в последних четырех-шести электоральных циклах с ее уровнем в 1960–1970-е годы (см. табл. 2).

Таблица 2 Классификация стран по уровню и динамике национализации в долгосрочном периоде

Динамика	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Нисходящая	Бельгия	Австралия, Ирландия, Канада, Италия	Австрия
Стабильность		Финляндия	Германия, Швеция
Восходящая	Швейцария	Франция, Испания, Великобритания	США, Португалия, Нидерланды, Греция, Норвегия

Сопоставляя долгосрочные изменения значений индекса национализации с его среднесрочной динамикой (см. Приложение 1), можно обнаружить, что в ряде стран сохранился все тот же тренд. В двух из них — Франции и Швейцарии — индекс национализации растет как в долгосрочной перспективе, так и на современном этапе, в двух — компактной Ирландии и огромной федеративной Австралии — снижается.

Вместе с тем в большинстве стран нынешний тренд не совпадает с фиксируемым в долгосрочной перспективе. В некоторых из них при общем увеличении уровня национализации за последние полвека сегодня действует обратная тенденция. Это США, Испания, Португалия и Нидерланды. К той же группе можно условно отнести и страны, где индекс национализации, выросший по сравнению с 1960–1980-ми годами, стабилизировался на той или иной (обычно высокой) отметке. В их число входят Великобритания, Швеция и Норвегия.

В других странах на фоне общего падения индекса национализации в долгосрочной перспективе сейчас наблюдается некоторый его

рост (Канада и Австрия). Есть также страны, где уровень национализации, снизившись, сейчас стабилизировался. Подобная ситуация сложилась в Бельгии и Италии.

Наконец, имеются страны, динамика индексов национализации в которых в целом невелика. В первую очередь это Финляндия, где с 1966 г. индекс национализации держится на отметке 0,71—0,72, а также Швеция, достигшая современного показателя еще в 1968 г., и Германия (на выборах 1969 г. индекс национализации там составлял 0,82, на выборах 2017 г. — 0,83).

Еще раз повторим: в преобладающей части рассматриваемых стран долгосрочный тренд не совпадает с современным, причем не выявлено какой-либо закономерности, общей для всех или хотя бы для большинства стран. Каждая из зафиксированных групп охватывает по 2—4 страны, что не позволяет говорить о наличии некоего единого динамического тренда, задающего развитие партийных систем западных демократий.

Обратимся теперь к анализу ситуации в выделенных выше трех группах стран, демонстрирующих в последних электоральных циклах разную динамику национализации.

Страны с нисходящей динамикой национализации

²⁵ Особый случай представляет Греция, индекс национализации в которой в 2012 г. снизился по сравнению с 2009 г. на 0,11 пункта. Однако поскольку это падение носило разовый характер и во всех последующих избирательных циклах показатель национализации в Греции рос, мы будем рассматривать ее в группе стран с восходящей динамикой.

В группу стран с нисходящей динамикой индекса национализации входят Австралия, Германия, Ирландия, Испания, Нидерланды и США²⁵. Это страны, различающиеся и по географическому положению (две из них расположены за пределами Европы), и по институциональным характеристикам, и по структуре партийных систем (классическая двухпартийная система США, трехпартийная система ФРГ, которая, правда, несколько пошатнулась с усилением «Альтернативы для Германии», многопартийные системы с большим количеством игроков). Тем не менее среди них и есть близкие по своему историческому развитию. Так, можно выделить мини-группу, включающую в себя США и Австралию — крупнейшие в территориальном плане федерации, относящиеся к числу старейших мировых демократий. Падение национализации в этих странах можно объяснить неожиданно сильным влиянием новых вызовов на устоявшиеся партийные системы.

Рассматриваемая группа охватывает страны со средним и высоким уровнем национализации. К странам со средним уровнем национализации относятся Австралия, Испания и Ирландия. В Австралии нисходящая динамика была наиболее выраженной — за период с 2007 по 2016 г. индекс национализации там снизился на 0,2 пункта (с 0,86 до 0,66). В Испании на выборах 2019 г. индекс национализации равнялся 0,71 против 0,78 в 2008 г. В Ирландии же падение индекса национализации наблюдается с 2007 (0,75) по 2016 г. (0,61).

К странам с исходно высоким уровнем национализации, где растет региональное разнообразие, следует причислить Нидерланды, США

и Германию. В Нидерландах индекс национализации последовательно снижался на протяжении последних пяти электоральных циклов, хотя и незначительно (общее снижение с 2003 по 2017 г. — 0,04 пункта). Сходным образом обстоит дело в США, где индекс национализации (на президентских выборах) опустился с 0,9 в 2004 г. до 0,85 в 2016 г. В Германии, где в 2005 г. индекс национализации составлял 0,85, к 2017 г. он снизился до 0,83.

Если говорить о фрагментации партийного поля как о возможной причине снижения уровня национализации, то в ряде стран этой группы мы действительно видим увеличение числа электоральных игроков. Так, в Германии в 2017 г. в выборах участвовали 38 партий и альянсов, что больше, чем на любых выборах 2005—2013 гг. В Нидерландах в 2017 г. число участников выборов достигло 28 (против 12 в 2012 г. и 11 в 2010 г.); в Испании в 2019 г. — 23 (против 18 в 2016 г. и 13 в 2015 и 2011 гг.); в Ирландии в 2016 г. — 17 (против 12 в 2011 г. и 13 в 2007 г.). Таким образом, практически во всех странах, где мы выявили нисходящую динамику национализации, зафиксировано увеличение партийной фрагментации, за исключением США — ввиду устойчивой двухпартийной структуры.

Какие же партии вносят основной вклад в снижение уровня национализации партийной системы? Начнем с рассмотрения *старых партий*.

При том что ни в одной из стран нельзя говорить об однозначном снижении уровня национализации всех старых партий, негативную динамику демонстрируют многие из них. В Германии это Социал-демократическая и Свободная демократическая партии; в Нидерландах — «Христианско-демократический призыв» и Социалистическая (бывшая Коммунистическая) партия; в Ирландии — «Фианна Файл»; в Австралии — Либеральная партия (что, впрочем, не в последнюю очередь связано с ее отказом в последних электоральных циклах от выдвижения в таких регионах, как Квинсленд и Северная территория, отданных ее союзникам по общенациональной коалиции — Либеральной национальной партии Квинсленда и Аграрной либеральной партии). Небольшой тренд на снижение просматривается и у обеих основных партии США, Республиканской и Демократической (при сохранении ими высокого уровня национализации). На выборах в 2019 г. снизился и ранее стабильно высокий индекс национализации у Народной партии Испании.

Тем не менее некоторые из старых партий по-прежнему сохраняют относительно равномерную региональную поддержку. Среди них много левых партий (нидерландская Партия труда, Австралийская лейбористская партия, Испанская социалистическая рабочая партия, ирландская Лейбористская партия), но было бы неверно связывать этот тренд именно с ними. Стабильные показатели национализации характерны также для нидерландских Народной партии за свободу и демократию и «Демократов 66», а также для ирландской «Финэ Гэл».

Встречаются и старые партии, вопреки общенациональному тренду демонстрирующие повышение уровня национализации. В их числе правоцентристские германские партии Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз, а также ирландская националистическая партия «Шинн Фейн». Но все эти партии скорее исключения из общего правила. Таким образом, можно обоснованно предположить, что одной из главных причин снижения общего уровня национализации в рассматриваемой группе стран является рост территориального разнообразия голосования за старые партии, указывающий на наличие у них электоральных проблем в регионах. Вместе с тем невозможно выделить какие-то определенные идеологические кластеры старых партий, испытывающих подобные проблемы или, напротив, их избежавших.

Теперь обратимся к *новым партиям*, которые актуализируют политические вызовы, появившиеся в последние десятилетия.

Как показывает анализ, во многих странах новые партии сегодня практически не уступают старым по уровню национализации. Это касается, в частности, «Альтернативы для Германии» — крупнейшей из новых партий ФРГ, сумевшей быстро нарастить электоральную поддержку и набравшей на выборах 2017 г. 12,6% голосов. Сходным образом обстоит дело с германскими «Левыми», занявшими на последних парламентских выборах пятое место. Приблизилась по уровню национализации к старым партиям и ультраправая Национал-демократическая партия.

Крупнейшим новым игроком в Нидерландах является праворадикальная Партия свободы, последовательно наращивавшая поддержку на протяжении четырех электоральных циклов: 2006 г. — 5,89%, 2009 г. — 15,45% (в коалиции), 2012 г. — 10,08%, 2017 г. — 13,01% (второй результат по стране). Параллельно росла и ее национализация, достигнув к последним выборам уровня, сравнимого с уровнем старых партий. Высокий уровень национализации демонстрирует также нидерландская Партия защиты животных.

В Австралии среди новых игроков, сопоставимых по уровню национализации со старыми партиями, можно упомянуть «Зеленых», а также популистскую Объединенную партию Палмера.

Особо стоит выделить случай Испании, где национализация двух новых партий — левой «Подemos» и левоцентристских «Граждан» — достигла к выборам 2015 г. высокого уровня, а затем начала снижаться. И хотя эти партии по-прежнему близки к старым в плане национализации, тенденция в сторону ее снижения, бесспорно, влияет на общий результат.

Иначе говоря, в ряде случаев новые партии тоже понижают общий уровень национализации. В Австралии в последние годы растет регионализация партийной системы, и некоторые новые сильные игроки, например Либеральная национальная партия Квинсленда, выдвигаются лишь в своем регионе. Низкий уровень национализации,

в частности, у Австралийской партии Кэттера. Даже в 2013 г., когда партия баллотировалась в шести из восьми регионов страны, уровень ее национализации не превышал 0,3; на последующих же выборах (2016 и 2019 гг.), когда она выдвинулась только в Квинсленде, он упал до 0,13. Сходную динамику демонстрирует партия «Одна нация» с индексом национализации 0,31 в 2007 г., 0,15 в 2016 г. и 0,23 в 2019 г. (в 2007 г. она выдвигалась в четырех регионах, в 2016 г. — только в Квинсленде, в 2019 г. — в Виктории и Южной Австралии). Всего 0,14 составляет индекс национализации партии «Центральный альянс»²⁶, пользующейся электоральной поддержкой лишь в Южной Австралии, где она и была создана. В целом большинство новых партий Австралии отличает низкий уровень национализации, что объясняется их ориентацией на определенные регионы. В Ирландии среди новых игроков с низким уровнем национализации можно отметить избирательный союз партий «Солидарность»²⁷ и «Люди важнее прибыли», индекс национализации которого на выборах 2016 г. составил 0,32²⁸.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что нисходящая динамика национализации в анализируемой группе стран обусловлена прежде всего тем, что старые партии уже ранее достигли там исторического пика национализации. В настоящее время у некоторых из них уровень национализации остается неизменным, но у многих начинает снижаться, что и задает общий тренд. Вклад в него вносят и отдельные новые партии, особенно в Австралии, где целый ряд небольших новых партий de facto являются региональными. Однако значительная часть сильных новых партий смогла обеспечить себе гомогенную территориальную поддержку, приблизившись по уровню национализации к старым партиям.

²⁶ *Исходное название — «Команда Ника Ксенофона», под ним же партия выступала на выборах 2016 г., когда получила место в парламенте.*

²⁷ *До 2017 г. «Альянс против мер жесткой экономии».*

²⁸ *В 2011 г., когда партия «Люди важнее прибыли» выступала самостоятельно, ее индекс национализации достиг лишь 0,06 (она выдвигалась в четырех регионах).*

Страны со стабильным уровнем национализации

Прежде чем переходить к обсуждению стран со стабильным уровнем национализации, нужно оговорить, какое значение мы вкладываем в понятие «стабильный». Под «стабильностью» подразумевается отсутствие ярко выраженной динамики, то есть постоянство индекса на протяжении рассматриваемого периода или незначительное его изменение и возвращение к показателям предыдущих лет. Этому критерию удовлетворяют Великобритания, Италия, Португалия, Финляндия, Норвегия и Бельгия. В рамках этой группы тоже можно выделить своеобразные мини-группы, охватывающие страны со схожей исторической динамикой развития демократии. Так, Финляндия и Норвегия принадлежат к одному макрорегиону Европы и имеют долгий опыт стабильной работы партийных систем. Напротив, партийные системы Италии и Бельгии на протяжении многих лет оставались нестабильными, хотя сегодня ситуация там стала более или менее определенной.

Великобритания, Италия и Финляндия относятся к числу стран со средним уровнем национализации. В Норвегии и Португалии индекс

национализации следует квалифицировать как высокий, в Бельгии же он устойчиво сохраняет низкие значения.

Что касается фрагментации партийного поля, то в Великобритании она даже снижается. Если в 2015 г. в выборах в палату общин участвовали 11 партий, то в 2017 г. — 8. В других странах происходит типичное для большинства западных демократий увеличение числа партий и коалиций. В Португалии оно выросло с 18 в 2015 г. до 21 в 2019 г.; в Италии — с 8 в 2008 г. до 11 в 2018 г.; в Финляндии — с 18 в 2011 г. до 26 в 2016 г.; в Норвегии — с 21 в 2013 г. до 24 в 2017 г.; в Бельгии — с 7 в 2007 г. до 14 в 2014 г. Однако присущее большинству стран группы усиление партийной фрагментации на уровень национализации в данном случае почти не влияет.

Перейдем к анализу ситуации в старых и новых партиях.

Политическая роль *старых партий* в странах рассматриваемой группы на сегодняшний день остается главенствующей. Как и прежде, старые партии получают наиболее однородно распределенную и массовую поддержку электората, что как раз и способствует общей стабилизации голосования. Но это касается не всех старых партий.

С одной стороны, есть старые партии, однородность территориальной поддержки которых продолжает расти. В Великобритании — это обе крупнейшие партии страны, Консервативная и Лейбористская; в Финляндии — Национальная коалиция; в Португалии — Социалистическая партия. Вплоть до выборов 2019 г. плавный рост индекса национализации демонстрировали и такие старые партии Норвегии, как Консервативная партия (Хёйре), Партия прогресса и Либеральная партия (Венстре).

С другой стороны, встречаются случаи роста регионального разнообразия электоральной поддержки ведущих игроков. Здесь можно упомянуть «Народ свободы» Сильвио Берлускони (в 2006 и 2018 гг. — «Вперед, Италия»), «Финляндский центр», Христианско-народную партию Норвегии, а также две португальские партии — Социал-демократическую и Социально-демократический центр.

Наконец, имеются старые партии со стабильно низким уровнем национализации. В первую очередь речь идет о региональных партиях, таких как Шотландская национальная партия и Партия Уэльса. Стабильно низким (0,4—0,5) остается и уровень национализации бельгийских партий.

Влияние *новых партий* в анализируемой группе сильно варьирует от страны к стране. В Италии некоторые из этих партий не уступают старым ни по влиянию, ни по уровню национализации. Так, популистское «Движение пяти звезд» на выборах в 2013 г. имело индекс национализации 0,9. На выборах 2018 г. этот показатель, правда, несколько снизился (в связи с бурным ростом поддержки Движения в отдельных регионах страны), но остался высоким (0,84). Резко вырос индекс национализации у региональной партии «Лига Севера» (с 0,31 в 2008 г. до 0,71 в 2018 г.), существенно расширившей свою поддержку не только в северных регионах, но и по всей стране.

В Португалии одним из сильных относительно новых игроков является Левый блок, на выборах 2015 г. набравший 10,2% голосов, что принесло ему 19 парламентских мандатов. Уже тогда его индекс национализации был выше, чем у правящей коалиции (0,87 и 0,85 соответственно), а к 2019 г. достиг отметки в 0,88. Сопоставимым со старыми партиями уровнем национализации обладают и такие новые португальские партии, как «Люди — Животные — Природа» (0,8), «Свободные» (0,77) и Партия национального обновления (0,85).

²⁹ До 2007 г. — «Красный избирательный альянс».

В Норвегии высокий средний показатель национализации за два последних электоральных цикла (0,84) демонстрирует Партия зеленых. Из года в год наращивают индекс национализации «Красные»²⁹. Если в 2001 г. он составлял 0,61, то на последних выборах — 0,76.

В свою очередь, в Великобритании новые игроки начали терять территориальное однообразие. Так, с 2010 по 2017 г. индекс национализации «Либеральных демократов», третьей по значимости партии в стране, опустился с 0,91, до 0,77. Аналогичную динамику демонстрирует и Партия независимости Соединенного Королевства, потерявшая за последний электоральный цикл 0,1 пункта. В Финляндии, где действует довольно много новых партий, их уровень национализации невелик. Например, на выборах 2019 г. у Пиратской партии он составил 0,62, у популистского «Синего будущего» — 0,6, у партии «Движение сейчас», продвигающей идеи электронной демократии, — 0,5. Сходным образом обстоит дело и в Бельгии.

В целом, несмотря на существование отдельных новых партий с высокими показателями национализации, их вклад в общий индекс слабо выражен ввиду низкого уровня электоральной поддержки (за исключением новых партий Италии и Португалии).

Таким образом, стабильный уровень национализации в странах данной группы можно объяснить устойчивостью сложившихся там партийных систем, в большинстве своем по-прежнему отвечающих запросам электората. Старые партии сохраняют и политическое лидерство, и высокий уровень национализации. Быстро или сразу приобретают высокий уровень национализации и многие новые партии. Разнонаправленная динамика национализации различных партий компенсирует друг друга. Не наблюдается и заметных скачков в числе участников выборов. Все это обуславливает отсутствие резких колебаний индекса национализации.

**Страны
с восходящей
динамикой
национализации**

К странам с восходящей динамикой национализации относятся Канада, Франция, Швеция, Австрия, Швейцария и (с оговорками) Греция. Как и в случае со странами с нисходящей динамикой, помимо европейских стран среди них есть и неевропейская — Канада. Впрочем, несмотря на специфику географического положения, эта страна образует мини-группу с Францией — обе они представляют собой крупные старые демократии, обладающие значительным региональным

разнообразием (федерализм в Канаде, историческая регионализация во Франции). В еще большей степени региональное разнообразие свойственно Швейцарии. Вместе с тем в группе есть и гомогенные страны со стабильными политическими системами (например, Швеция).

В группу входят страны и с низким, и со средним, и с высоким индексом национализации.

Единственной страной с низким индексом национализации в рассматриваемой группе является Швейцария. Выше мы уже говорили, что Швейцарии присущи такие затрудняющие национализацию черты, как полиэтничность и федерализм. Тем не менее на протяжении последних циклов индекс национализации в стране растет, пусть и не очень существенно. В 2015 г. он составил 0,59 (против 0,56 в 2003 г.), то есть Швейцария вплотную подошла к рубежу, отделяющему низкий показатель национализации от среднего, и при сохранении подобной динамики способна его преодолеть.

Канада и Франция относятся к числу стран со средним индексом национализации. В Канаде повышение индекса началось не сразу: на выборах 2008 г. он даже несколько снизился. Зато последние две кампании (2011 и 2015 гг.) демонстрируют уверенный рост гомогенности электорального пространства. Во Франции индекс рос на протяжении всего рассматриваемого периода, кроме выборов 2012 г., когда он снизился на 0,03 пункта по сравнению с предыдущими выборами; на выборах лета 2017 г. он достиг 0,78.

В Австрии и Швеции, входящих в группу стран с высоким индексом национализации, его динамика, будучи скорее положительной, является довольно слабой и не очень устойчивой. В Австрии в 2008 г. он снизился по сравнению с 2006 г., затем, в 2013 г., вернулся к прежней отметке (0,84), а в 2017 г. превысил ее (0,88). Схожую динамику мы видим и в Швеции, где по результатам второго анализируемого нами электорального цикла индекс национализации снизился (0,85 в 2002 г. и 0,84 в 2006 г.), а далее стал показывать рост: 0,86 в 2010 и 2014 гг., 0,87 в 2018 г.

Отдельно выделим случай Греции, которая, как уже упоминалось, демонстрирует неустойчивую динамику национализации. На выборах 2012 г. соответствующий показатель там резко упал, составив 0,77 против 0,88 в 2009 г., однако потом начал устойчиво расти и в 2019 г. вновь достиг уровня 2009 г. То есть нехарактерным для Греции было не повышение уровня национализации, фиксируемое после 2012 г., а скорее его одномоментное снижение. Однако поскольку в анализируемый период рост индекса национализации в стране наблюдался только в последние два электоральных цикла, при дальнейшем рассмотрении мы будем касаться только их.

С точки зрения фрагментации партийного поля в странах группы идут разнонаправленные процессы. В Швеции, Канаде и Австрии на фоне роста электоральной гомогенности росло и число партий. Если в 2002, 2006 и 2010 гг. в выборах в Швеции участвовали 19 партий, то

³⁰ Данные по партиям, набравшим более 500 голосов.

в 2014 г. — 21, а в 2018 г. — 23³⁰. В Канаде число партий выросло с 15 в 2006 г. до 19 в 2008 г. и 23 в 2015 г.; в Австрии — с 13 в 2006 г. до 14 в 2008 и 2013 гг. и 16 в 2017 г. В свою очередь, во Франции число партий плавно сокращалось — с 17 в 2002 г. до 12 в 2007 г. и 10 в 2012 и 2017 гг. В Швейцарии же наблюдалась неустойчивая динамика: в 2003 и 2007 гг. в выборах принимали участие 15 партий, в 2011 г. — 13, в 2016 г. — 16.

Обратимся к анализу ситуации в старых и новых партиях.

В большинстве *старых партий* уровень национализации на протяжении последних электоральных циклов повышался, подкрепляя общий тренд. В Австрии восходящая динамика характерна для всех старых партий — Австрийской народной, Социал-демократической и Австрийской партии свободы; в Швейцарии — для Швейцарской народной, Свободной демократической³¹ и Социал-демократической партий; в Швеции — для Социал-демократической рабочей и Умеренной партий, Партии центра и «Христианских демократов»; в Канаде — для Либеральной и Новой демократической партий; во Франции — для Радикальной левой и Французской коммунистической партий. В Греции рост индекса сейчас демонстрирует только одна из ведущих старых партий — «Новая демократия».

Несколько старых партий, преимущественно региональных, сохранили стабильные показатели национализации. В их числе можно упомянуть «Квебекский блок» в Канаде и «Лигу Тичино» в Швейцарии.

Существуют и старые партии, у которых индекс национализации снижается. Во Франции это «Республиканцы»³², Социалистическая партия и «Национальное объединение»³³ (чей индекс национализации на выборах 2002, 2007 и 2012 гг. рос, но в 2017 г. опустился на 0,06 пункта); в Греции — Всегреческое социалистическое движение ПАСОК и Коммунистическая партия; в Швеции — Левая партия; в Швейцарии — Христианско-демократическая и Евангелическая народная партия; в Канаде — Консервативная партия.

Что касается *новых партий*, то среди них, как и в двух других рассмотренных нами группах, есть немало не уступающих по уровню национализации старым. Примерами таких партий могут служить «Список Питера Пильца» в Австрии, чей уровень национализации сразу же достиг 0,86, а также «Независимые греки» и «Демократические левые» в Греции (0,86 и 0,89). Но особенно примечателен в этом плане случай Франции, где в последние годы появилось сразу несколько крупных партий, на первых же для себя выборах продемонстрировавших необычайно высокий уровень национализации. Прежде всего речь идет о партии Эммануэля Макрона «Вперед, республика», индекс национализации которой на выборах 2017 г. составил 0,94, и партии Жан-Люка Меланшона «Непокоренная Франция» (0,9). Высоким был индекс национализации и у партии «Восстань, Франция». Именно эти партии и обеспечили общий тренд на повышение гомогенности электорального пространства в стране.

Ряд новых партий продолжает наращивать территориальную однородность поддержки (часто изначально довольно высокую). Среди

³¹ С 2009 г., после слияния с Либеральной партией, действует под названием «Свободная демократическая партия. Либералы».

³² До 2015 г. — «Союз за народное движение».

³³ До 2018 г. — «Национальный фронт».

них «Шведские демократы» и «Феминистская инициатива» в Швеции; СИРИЗА и «Золотая заря» в Греции, а также две австрийские партии — «Новая Австрия» и «Альянс за будущее Австрии». Вместе с тем у некоторых новых партий уровень национализации снижается. Данная тенденция характерна, в частности, для «Демократического движения» во Франции и «зеленых» партий Канады, Швеции и Австрии.

Резюмируя, можно сделать вывод, что в рассматриваемой группе общее повышение уровня национализации происходит преимущественно за счет дальнейшей гомогенизации поддержки старых партий. В большинстве входящих в нее стран (Швейцарии, Канаде, Швеции и Австрии) именно старые партии наращивают уровень национализации. Принципиально иным образом обстоит дело во Франции, где в условиях кризиса старых партий создаются новые, показатели национализации которых сразу достигают высоких значений. Неоднозначная ситуация складывается в Греции: там достойной и достаточно однородной поддержкой пользуются и старые, и новые партии. Таким образом, можно утверждать, что последние тоже вносят свой вклад в увеличение индекса национализации в масштабах страны.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ национализации партийных систем в 18 западных демократиях продемонстрировал, что единого тренда в изученных странах нет. Сегодня мы наблюдаем индивидуальные траектории развития процессов национализации, которые обусловлены внутрискановым политическим контекстом. Почти бесполезными оказываются попытки выделить какие-либо страновые кластеры со схожими политическими и социокультурными характеристиками и общими тенденциями национализации. Если некоторым странам в условиях растущей фрагментации партийного поля (которая налицо почти везде) действительно свойственно снижение уровня национализации, то в других он остается стабильным или даже растет. Уже давно ставшее реальностью «размораживание» расколов, описанных Сеймуром Липсетом и Стейном Рокканом, и рост партийно-электоральной волатильности не подрывают относительную гомогенность сложившегося электорального пространства, но зато порождают множественность и уникальность страновых контекстов, в которых эволюционируют партийные системы. Таким образом, гипотеза о том, что в связи с появлением новых политических игроков уровень национализации должен снижаться, не находит подтверждения.

Не в последнюю очередь это объясняется тем, что новые партии достаточно быстро наращивают территориальную однородность, приближаясь к старым партиям или даже обгоняя их. Тем самым не подтверждается и предположение, что новые партии будут в целом уступать старым по уровню национализации. В некоторых странах новые партии действительно не в состоянии обрести более или менее однородную

поддержку во всех регионах страны (например, в Австралии, где они, впрочем, и не стремятся к этому), однако в большинстве случаев они мало чем отличаются в этом плане от старых партий.

Полученные результаты опровергают довольно популярное среди политологов мнение, что наличие складывавшегося десятилетиями электората и особенности эпохи, когда происходило формирование старых партий, делают их более национализированными по сравнению с новыми игроками. Напротив, наш анализ показывает, что колебания общего уровня национализации связаны прежде всего с неустойчивостью позиций старых партий, которые по-прежнему доминируют в электоральном плане в большинстве стран. В странах с нисходящей динамикой национализации заметная часть старых партий теряет территориальную однородность поддержки, как и саму поддержку. В странах же, где уровень национализации растет, растет и национализация тех старых партий, которым удалось сохранить привлекательность для граждан и найти ответ на новые вызовы. Иначе говоря, положение старых партий в электоральном пространстве западных демократий может принципиально различаться: одни переживают идейный и кадровый кризис и утрачивают поддержку, что оборачивается ее локализацией, другие, наоборот, упрочивают свою лидерскую роль и тем самым вносят вклад в общий рост национализации. В свою очередь опыт наиболее сильных новых игроков, таких как СИРИЗА (Греция), «Вперед, Республика» (Франция), «Движение пяти звезд» (Италия), «Подemos» и «Граждане» (Испания), «Шведские демократы» (Швеция), «Истинные финны» (Финляндия), «Альтернатива для Германии» (ФРГ), свидетельствует о том, что новые партии способны добиться и значительной электоральной поддержки, и высокого уровня национализации.

Лишь в ограниченной степени соотносится с уровнем национализации и партийно-политическая фрагментация. Действительно, во всех странах с нисходящей динамикой национализации фрагментация партийного поля заметно растет, однако рост фрагментации характерен и для ряда стран с восходящей динамикой национализации (Швеции, Канады, Австрии).

Таким образом, происходящие в электоральном пространстве западных демократий процессы являются разнородными, и наш анализ не позволил зафиксировать каких-либо единых трендов, которые определяли бы влияние новых политических игроков на уровень национализации. Важно отметить, что появление новых партий не обязательно ведет к его снижению. Электоральное пространство западных демократий в целом выглядит достаточно зрелым, и потому возросшая партийная волатильность не наносит ущерба его территориальной консолидации.

Библиография

- Голосов Г.В. и И.С.Григорьев. (2015) «Национализация партийной системы: российская специфика» // *Политическая наука*, № 1: 128—156.
- Туровский Р.Ф. (2016) «Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию» // *Полития*, № 1 (80): 162—180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (проверено 20.01.2020).
- Bartolini S. and P.Mair. (1990). *Identity, Competition and Electoral Availability: The Stabilisation of European Electorates, 1885—1985*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. St.Gallen: University of St.Gallen.
- Caramani D. (2011) *Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Chhibber P. and K.Kollman. (2004) *The Formation of National Party Systems: Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India, and the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.
- Hinich M. and M.Munger. (1994) *Ideology and the Theory of Political Choice*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Jones M.P. and S.Mainwaring. (2003) «The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application to the Americas» // *Party Politics*, vol. 9, no. 2: 139—166.
- Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1—64.
- Mainwaring S. (1999) *Rethinking Party Systems in the Third Wave of Democratization: The Case of Brazil*. Stanford: Stanford University Press.
- Mainwaring S. and E.Zoco. (2007) «Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies» // *Party Politics*, vol. 13, no. 2: 155—178.
- Mainwaring S. and M.Torcal. (2006) «Party System Institutionalization and Party System Theory after the Third Wave of Democratization» // Katz R.S. and W.Crotty, eds. *Handbook of Political Parties*. London: Sage: 204—227.
- Mayorga R.A. (2006) «Outsiders and Neo-Populism: The Road to Plebiscitary Democracy» // Mainwaring S., A.M.Bejarano, and E.Pizarro, eds. *The Crisis of Democratic Representation in the Andes*. Stanford: Stanford University Press: 132—167.
- Moser R. (1999) «Electoral Systems and the Number of Parties in Post-Communist States» // *World Politics*, vol. 51, no. 3: 359—384.
- Moser R. (2001) *Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Plaza-Colodro C., M.Gómez-Reino, and H.Marcos-Marne. (2018) «Does Host Ideology Shape Populist Parties' Attitudes towards the EU? The Links of Populism and Euroscepticism in Southern Europe» // *Revista Internacional de Sociología*, vol. 76, no. 4: e112. URL: https://www.researchgate.net/publication/329571735_Does_host_ideology_shape_populist_parties'_attitudes_towards_the_EU_The_links_of_populism_and_Euroscepticism_in_Southern_Europe (accessed on 16.02.2020).

Riker W.H. (1964) *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown.

Roberts K.M. and E.Wibbels. (1999) «Party Systems and Electoral Volatility in Latin America: A Test of Economic, Institutional, and Structural Explanations» // *American Political Science Review*, vol. 93, no. 3: 575—590. URL: https://www.researchgate.net/publication/263537965_Party_Systems_and_Electoral_Volatility_in_Latin_America_A_Test_of_Economic_Institutional_and_Structural_Explanations (accessed on 16.02.2020).

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sartori G. (1986) «The Influence of Electoral Systems: Faulty Laws or Faulty Method?» // Grofman B. and A.Lijphart, eds. *Electoral Laws and Their Political Consequences*. New York: Agathon: 43—68.

Tanaka M. (2006) «From Crisis to Collapse of the Party Systems and Dilemmas of Democratic Representation: Peru and Venezuela» // Mainwaring S., A.M.Bejarano, and E.Pizarro, eds. *The Crisis of Democratic Representation in the Andes*. Stanford: Stanford University Press: 47—77.

Tavits M. (2005) «The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe» // *American Journal of Political Science*, vol. 49, no. 2: 283—298.

Van Biezen I. and H.Wallace. (2013) «Old and New Oppositions in Contemporary Europe» // *Government and Opposition*, vol. 48, no. 3: 289—313.

Vertz L., J.Frendreis, and J.Gibson. (1987) «Nationalization of the Electorate in the United States» // *The American Political Science Review*, vol. 81, no. 3: 961—966.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Общий индекс национализации (1)

<i>Страна</i>	<i>1960—1980</i>	<i>Индекс</i>	<i>Год 2</i>	<i>Индекс 2</i>	<i>Год 3</i>	<i>Индекс 3</i>	<i>Год 4</i>	<i>Индекс 4</i>
США	1968	0,82	2004	0,90	2008	0,88	2012	0,87
Канада	1968	0,77	2006	0,72	2008	0,71	2011	0,75
Австралия	1966	0,78	2007	0,86	2010	0,76	2013	0,69
Франция	1968	0,68	2002	0,75	2007	0,77	2012	0,74
Испания	1977	0,70	2004	0,76	2008	0,78	2011	0,73
Бельгия	1968	0,71	2003	0,39	2007	0,46	2010	0,44
Австрия	1966	0,87	2006	0,84	2008	0,82	2013	0,84
Португалия	1975	0,65	2005	0,82	2009	0,83	2011	0,84
Швейцария	1971	0,45	2003	0,56	2007	0,55	2011	0,57
Германия	1969	0,82	2005	0,85	2009	0,84	2013	0,79
Греция	1964	0,82	2007	0,88	2009	0,88	2012	0,77
Италия	1968	0,82	2006	0,82	2008	0,76	2013	0,80
Финляндия	1966	0,72	2007	0,70	2011	0,73	2015	0,71
Швеция	1968	0,85	2002	0,85	2006	0,84	2010	0,86
Норвегия	1969	0,79	2001	0,81	2005	0,83	2009	0,84
Нидерланды	1967	0,73	2003	0,88	2006	0,88	2010	0,87
Ирландия	1969	0,84	2002	0,69	2007	0,75	2011	0,69
Великобритания	1983	0,67	2005	0,77	2010	0,80	2015	0,77

Общий индекс национализации (2)

<i>Страны</i>	<i>Год 5</i>	<i>Индекс 5</i>	<i>Год 6</i>	<i>Индекс 6</i>	<i>Год 7</i>	<i>Индекс 7</i>	<i>Среднее значение</i>
США	2016	0,85					0,88
Канада	2015	0,77					0,74
Австралия	2016	0,66	2019	0,67			0,73
Франция	2017	0,78					0,76
Испания	2015	0,76	2016	0,77	2019	0,71	0,75
Бельгия	2014	0,39	2019	0,44			0,42
Австрия	2017	0,88					0,85
Португалия	2015	0,80	2019	0,83			0,82
Швейцария	2015	0,59					0,57
Германия	2017	0,83					0,83
Греция	2015	0,84	2019	0,88			0,85
Италия	2018	0,80					0,795
Финляндия	2019	0,72					0,71
Швеция	2014	0,86	2018	0,87			0,86
Норвегия	2013	0,84	2017	0,83			0,83
Нидерланды	2012	0,86	2017	0,84			0,87
Ирландия	2016	0,61					0,69
Великобритания	2017	0,80					0,78

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Индекс национализации основных политических партий

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации							
			2004	2008	2012	2016	2019	2013	2016	2019
США			2004	2008	2012	2016				
	Демократическая партия	1828	0,90	0,89	0,88	0,86				
	Республиканская партия	1854	0,91	0,89	0,88	0,88				
Канада			2006	2008	2011	2015				
	Либеральная партия	1867	0,82	0,76	0,75	0,85				
	Консервативная партия	1867 (2003)	0,83	0,82	0,83	0,75				
	Новая демократическая партия	1961	0,76	0,76	0,81	0,85				
Австралия			2007	2010	2013	2016				
	Австралийская лейбористская партия	1901	0,95	0,93	0,94	0,93				
	Либеральная партия	1944	0,82	0,70	0,71	0,71				
	Австралийские зеленые	1992	0,85	0,89	0,88	0,86				
	Либеральная националь- ная партия Квинсленда	2008	—	0,13	0,13	0,13				

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации						
			2002	2007	2012	2017	2016	2019	
Франция									
	«Республиканцы» (быв. «Союз за народное движение»)	2002	0,93	0,94	0,90	0,89			
	Социалистическая партия	1969	0,85	0,85	0,84	0,76			
	«Национальное объединение» (быв. «Национальный фронт»)	1972	0,80	0,81	0,84	0,78			
	«Вперед, Республика»	2016	—	—	—	0,94			
Испания			2004	2008	2011	2015	2016	2019	
	Испанская социалистическая рабочая партия	1879	0,92	0,93	0,91	0,87	0,90	0,90	
	Народная партия	1989	0,86	0,87	0,86	0,86	0,86	0,80	
	«Граждане»	2006	—	—	—	0,86	0,85	0,82	
	«Подемос»	2014	—	—	—	0,81	0,78	0,73	
Бельгия			2003	2007	2010	2014	2019		
	Новый фламандский альянс	2001	0,46	0,47 (в союзе с «Христианскими демократами и фламандцами»)	0,47	0,44	0,43		
	Социалистическая партия	1978	0,46	0,46	0,46	0,48	0,47		
	Фламандский блок	1978	0,47	0,46	0,44	0,43	0,48		
	Реформаторское движение	2002	0,49	0,50	0,49	0,48	0,47		

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации					
			2006	2008	2013	2017	2019	
Австрия								
	Австрийская народная партия	1945	0,88	0,88	0,87	0,91		
	Социал-демократическая партия Австрии	1888	0,87	0,85	0,85	0,89		
	Австрийская партия свободы	1955	0,90	0,91	0,95	0,94		
Португалия			2005	2009	2011	2015		2019
	Социал-демократическая партия	1974	0,83	0,85	0,88	0,85		0,84
	Народная партия	1974	0,82	0,88	0,91	0,77 (В коалиции с «Социально-демократическим центром»)		0,86
	Социалистическая партия	1973	0,93	0,93	0,92	0,92		0,96
	Левый блок	1999	0,78	0,85	0,84	0,87		0,88
	Коалиция демократического единства	1987	0,57	0,57	0,60	0,62		0,58
Швейцария			2003	2007	2011	2015		
	Швейцарская народная партия	1971	0,71	0,69	0,72	0,72		
	Социал-демократическая партия	1888	0,66	0,64	0,72	0,71		
	Свободная демократическая партия	1894 (2009)	0,61	0,56	0,60	0,68		

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации					
			2005	2009	2013	2017		
Германия								
	Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз	1945	0,87	0,90	0,91	0,92		
	Социал-демократическая партия Германии	1863	0,91	0,86	0,83	0,85		
	Свободная демократическая партия	1948	0,90	0,90	0,86	0,88		
	«Альтернатива для Германии»	2013	–	–	0,60	0,78		
Италия								
	Демократическая партия (быв. «Оливковое дерево»)	1995 (2007)	0,85	0,83	0,84	0,86		
	«Лига Севера»	1989	0,43	0,31	0,33	0,71		
	«Движение пяти звезд»	2009	–	–	0,90	0,84		
Финляндия								
	Национальная коалиция	1918	0,77	0,77	0,76	0,80		
	Социал-демократическая партия	1899	0,80	0,81	0,79	0,79		
	«Финляндский центр»	1906	0,71	0,69	0,69	0,65		
	«Истинные финны»	1995	0,74	0,87	0,84	0,85		

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации					
			2002	2006	2010	2014	2018	
Швеция			2006	2010	2014	2018		
	Умеренная коалиционная партия	1904	0,87	0,89	0,89	0,91		
	«Либералы»	1934	0,85	0,88	0,84	0,85		
	Социал-демократическая рабочая партия	1889	0,91	0,88	0,89	0,91		
	«Шведские демократы»	1988	0,76	0,81	0,86	0,88		
Норвегия			2001	2005	2009	2013	2017	
	Консервативная партия (Хёйре)	1884	0,83	0,82	0,85	0,88	0,87	
	Партия прогресса	1973	0,88	0,89	0,91	0,90	0,88	
	Либеральная партия (Венстре)	1884	0,80	0,81	0,84	0,87	0,81	
	Рабочая партия	1887	0,87	0,89	0,90	0,89	0,90	
Нидерланды			2003	2006	2010	2012	2017	
	«Христианско-демократический призыв»	1980	0,89	0,91	0,87	0,83	0,84	
	Социалистическая партия	1971	0,90	0,92	0,89	0,88	0,83	
	Народная партия за свободу и демократию	1948	0,89	0,90	0,90	0,91	0,90	
	«Демократы 66»	1966	0,87	0,82	0,87	0,81	0,84	
	Партия свободы	2006	—	—	0,87	0,81	0,86	
	Партия труда	1946	0,90	0,90	0,90	0,91	0,86	
	«Зеленые левые»	1989	0,89	0,85	0,89	0,85	0,88	

Страна	Название партии	Год создания	Индекс национализации										
			2002	2007	2011	2016	2015	2010	2005	2017			
Ирландия													
	«Фианна Файл»	1926	0,92	0,91	0,87	0,85							
	«Фине Гэл»	1933	0,85	0,83	0,89	0,84							
	Лейбористская партия	1912	0,55	0,62	0,75	0,62							
	«Шинн Фейн»	1905	0,48	0,57	0,59	0,73							
	«Солидарность — Люди важнее прибыли»	2015	—	—	0,06	0,32							
Великобритания													
	Консервативная партия	1834	0,79	0,84	0,83	0,88							
	Лейбористская партия	1900	0,85	0,83	0,82	0,86							
	«Либеральные демократы»	1988	0,86	0,91	0,85	0,77							
Греция													
	«Новая демократия»	1974	0,94	0,91	0,84	0,90							
	ПАСОК	1974	0,93	0,93	0,87	0,84							
	СИРИЗА	2004	0,85	0,86	0,86	0,91							

R.F.Turovsky, M.S.Sukhova, E.M.Luizidis
NEW PLAYERS IN PARTY SYSTEMS
OF OLD DEMOCRACIES:
IS THERE A THREAT
TO POLITICAL STABILITY?

Rostislav F. Turovsky — Doctor of Political Science; Professor; Head of the Laboratory for Regional Political Studies at the National Research University *Higher School of Economics*. Email: RTurovsky@hse.ru.

Marina S. Sukhova — Intern Researcher at the Laboratory for Regional Political Studies at the National Research University *Higher School of Economics*. Email: mssukhova@gmail.com.

Elizaveta M. Luizidis — Intern Researcher at the Laboratory for Regional Political Studies at the National Research University *Higher School of Economics*. Email: lizal2565@gmail.com.

Abstract. In the recent decades one of the main trends in Western democracies has been the emergence of new political players articulating the changing demands of the society (populists, nationalists, Eurosceptics, feminists, environmental movements etc.). By transforming into parties, these players challenge the existing party system, which makes it more volatile.

In the research presented in the article, the authors focused on the dynamics of the nationalization of party systems as one of the components of volatility, reflecting the territorial heterogeneity of the electoral support of political players. Their analysis of the last 4–6 electoral cycles in 18 Western democracies, which they compared with the elections of the 1960–1970s (viewed as a starting point) revealed the divergence of the modern processes of party system nationalization. According to the authors, the development paths of these processes are primarily determined by the within-country political context and individual characteristics of the evolution of party systems and almost never follow the patterns revealed in the earlier studies. Not only did parties with a long history of being active on the political stage keep the support of the electorate, but in some cases they even strengthened their positions. However, it is the old parties that are responsible for the main challenges for the homogeneity of the electoral space. The most successful new parties are not inferior to the old ones in their level of nationalization, which on the whole indicates a high degree of consolidation of the electoral space of Western democracies.

Keywords: elections, Western democracies, electoral volatility, parties, nationalization of party systems

References

- Bartolini S. and P.Mair. (1990). *Identity, Competition and Electoral Availability: The Stabilisation of European Electorates, 1885—1985*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. St.Gallen: University of St.Gallen.
- Caramani D. (2011) *Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Chhibber P. and K.Kollman. (2004) *The Formation of National Party Systems: Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India, and the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.
- Golosov G.V. and I.S.Grigoryev. (2015) “Natsionalizatsija partijnoj sistemy: rossijskaja spetsifika” [Nationalization of Party System: Russian Specifics] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 128—156. (In Russ.)
- Hinich M. and M.Munger. (1994) *Ideology and the Theory of Political Choice*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Jones M.P. and S.Mainwaring. (2003) “The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application to the Americas” // *Party Politics*, vol. 9, no. 2: 139—166.
- Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1—64.
- Mainwaring S. (1999) *Rethinking Party Systems in the Third Wave of Democratization: The Case of Brazil*. Stanford: Stanford University Press.
- Mainwaring S. and E.Zoco. (2007) “Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies” // *Party Politics*, vol. 13, no. 2: 155—178.
- Mainwaring S. and M.Torcal. (2006) “Party System Institutionalization and Party System Theory after the Third Wave of Democratization” // Katz R.S. and W.Crotty, eds. *Handbook of Political Parties*. London: Sage: 204—227.
- Mayorga R.A. (2006) “Outsiders and Neo-Populism: The Road to Plebiscitary Democracy” // Mainwaring S., A.M.Bejarano, and E.Pizarro, eds. *The Crisis of Democratic Representation in the Andes*. Stanford: Stanford University Press: 132—167.
- Moser R. (1999) “Electoral Systems and the Number of Parties in Post-Communist States” // *World Politics*, vol. 51, no. 3: 359—384.
- Moser R. (2001) *Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Plaza-Colodro C., M.Gómez-Reino, and H.Marcos-Marne. (2018) “Does Host Ideology Shape Populist Parties’ Attitudes towards the EU? The Links of Populism and Euroscepticism in Southern Europe” // *Revista Internacional de Sociología*, vol. 76, no. 4: e112. URL: https://www.researchgate.net/publication/329571735_Does_host_ideology_shape_populist_parties'_attitudes_

towards_the_EU_The_links_of_populism_and_Euroscepticism_in_Southern_Europe (accessed on 16.02.2020).

Riker W.H. (1964) *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown.

Roberts K.M. and E.Wibbels. (1999) “Party Systems and Electoral Volatility in Latin America: A Test of Economic, Institutional, and Structural Explanations” // *American Political Science Review*, vol. 93, no. 3: 575–590. URL: https://www.researchgate.net/publication/263537965_Party_Systems_and_Electoral_Volatility_in_Latin_America_A_Test_of_Economic_Institutional_and_Structural_Explanations (accessed on 16.02.2020).

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sartori G. (1986) “The Influence of Electoral Systems: Faulty Laws or Faulty Method?” // Grofman B. and A.Lijphart, eds. *Electoral Laws and Their Political Consequences*. New York: Agathon: 43–68.

Tanaka M. (2006) “From Crisis to Collapse of the Party Systems and Dilemmas of Democratic Representation: Peru and Venezuela” // Mainwaring S., A.M.Bejarano, and E.Pizarro, eds. *The Crisis of Democratic Representation in the Andes*. Stanford: Stanford University Press: 47–77.

Tavits M. (2005) “The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe” // *American Journal of Political Science*, vol. 49, no. 2: 283–298.

Turovsky R.F. (2016) “Natsionalizatsija i regionalizatsija partijnykh sistem: podkhody k issledovaniju” [Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research] // *Politeia*, no. 1 (80): 162–180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (accessed on 20.01.2020). (In Russ.)

Van Biezen I. and H.Wallace. (2013) “Old and New Oppositions in Contemporary Europe” // *Government and Opposition*, vol. 48, no. 3: 289–313.

Vertz L., J.Frendreis, and J.Gibson. (1987) “Nationalization of the Electorate in the United States” // *The American Political Science Review*, vol. 81, no. 3: 961–966.